

Annotation

Новое произведение Дмитрия Глуховского — автора небезызвестного «Метро 2033». К запланированному переизданию в новом оформлении автор пишет несколько рассказов из мира Метро, независимых от сюжета книги или дополняющих его, под общим названием «Апокрифы».

- [Дмитрий Глуховский](#)
 - [Часть 1](#)
 - [Часть 2](#)
 - [Часть 3](#)
 - [Часть 4](#)
-

Дмитрий Глуховский

Конец Дороги

Разумеется, о Дороге знали все в деревне, включая и Ваньку.

Их собственная избитая колея, утопающая в залитых жидкой грязью ухабах, вела не к ней, а в противоположном направлении, к Матвеевке и к реке. А к Дороге, путаясь, ныряя в кусты волчьих ягод величиной с детский кулак, почти совсем растворяясь в высокой траве, шла только одна неверная тропка, нехоженная уже Бог знает сколько времени. Делать там было нечего, на Дороге, и каждый в деревне это понимал. Раньше мальчишки, несмотря на родительские предостережения, бегали туда ещё: на твёрдом тёмном покрытии можно было рисовать осколками силикатных кирпичей, да и мяч от него отскакивал лучше. Потом несколько убежавших играть на Дорогу детей пропали, и с тех пор она считалась местом проклятым, нехорошим. Главная же причина забвения заключалась в том, что Дорога никуда не вела, а потому и ходить к ней было незачем.

Если бы с Ванькой в тот день ничего такого не произошло, то он, может, никогда к Дороге и не пошёл бы. Прожил бы всю жизнь — если повезёт, лет пятьдесят, в родном доме, и дальше Матвеевки носа бы совать не стал. Что ему на Дороге делать? Волков кормить?

И убежать из дому именно по ней было, конечно, затеей глупой и заранее обречённой на провал. Ради чего? Почему не в единственную поблизости деревню, к людям, а именно на Дорогу? Разве что проверить себя на упрямство и на храбрость — сколько можно шагать в никуда, прежде чем пойти с собой на унижительную мировую и с облегчением повернуть обратно.

Раньше-то, конечно, по крайней мере, с одной стороны дороги точно что-то находилось. Старожилы говорили, что если, как выберешься на Дорогу, всё время идти налево, за пять дней дойдёшь до Бир-Джана, а ещё через две недели будет Хабар.

Хабар — вроде их деревни, или Матвеевки, только большей, просто огромный, и дома там все кирпичные, как их школа и сельсовет. Почти все двухэтажные, а вроде были даже и в три, и в четыре этажа, хотя непонятно, как такие высокие строения могли держаться и не обваливаться.

А может, старики просто врали, цену себе набивали: если бы не все их байки и воспоминания, кто бы стал их кормить? И одной зимы бы не протянули. А так — самое милое дело: январским вечером собраться в клубе, запалить лучину, самогонки разлить по стаканам, и слушать, как Михалыч или дед Марат, утирая вспотевшую лысину, рассказывают, как оно всё обстояло встарь. Из взрослых много кто ещё эти времена припоминал, но не слишком хорошо: кроме пары стариков в деревне старше тридцати никого и было, из-за Чёрного облака все поумирали.

Ваньке самому было тринадцать — возраст, когда начинаешь понимать, что родители ни черта в жизни не соображают, и всё у них, в общем, наперекосяк. Но попробуй, возражи — отец у Ваньки был охотник, человек суровый, спорить с сыном не собирался, убеждал всё больше матерным словом и тумакami. Мать, синюшная, слабая, Ваньку любила, но защищать не решалась.

До того дня всё как-то обходилось. Хотя Ванька, ловко уворачиваясь от отцовских тычков, отбрехивался всё более смело, тот, казалось, готов был и дальше терпеть его выходки и умничанье. Года через три их отношения могли бы выровняться, Ванька научился бы снисхождению, а отец смирился с тем, что в доме теперь два мужчины, каждый из которых имеет право на своё мнение.

Нельзя сказать, что мысли о побеге не посещали Ваньку раньше, когда он, отсиживаясь в сарае после схваченной оплеухи или пережидая отцовский гнев, говорил себе, что выносить такое больше нельзя. Но отец был человеком отходчивым, да и сам Ванька долго дуться не умел, так что за ужином семья чаще всего уже бывала в сборе, хотя все и пилились угрюмо каждый в свою тарелку.

Однако такого унижения Ванька простить никак не мог. Во-первых, ту затрецину он не заслужил — отец просто сорвал на нём злость за неудачную охоту: два дня провёл в лесах, вернулся с порванным плечом, расплывшимся на полрукава заскорузлым кровавым пятном, с пустым колчаном и всего с одной куропаткой, хотя ходил на лося. Мелкая как раз болела, хотя было и лето, мать нервничала и просила, чтобы отец далеко не уходил, вот он и пытался завалить кого-нибудь покрупнее — навялить мяса впрок. Ну да, сказал Ванька ему «Что-то лося не видно. Он потом зайдёт?». Но за это ударить его так, что он не сразу смог подняться с земли?

Дело осложнялось тем, что всё произошло при соседской Верочке. Ваньке она нравилась вот уже семь месяцев, с Нового Года, но сначала внимания на него не обращала, потому что дружила с долговязым Сашкой Виноградовым, который был их обоих старше на три года. Ванька Виноградову был не соперник, пришлось дожидаться, пока они с Верочкой разругаются. В успех он особо не верил, но попыток завоевать расположение русоволосой красавицы-соседки не оставлял. Что делать с ней, если всё выгорит, Ванька пока точно не знал, но каждый вечер, закрывая глаза, видел перед собой её перемазанные земляничным соком пухлые губки, преследовавшие его с тех пор, как встретил её с подружками в подлеске, за сбором ягод.

Если по-честному, то и про лося Ванька сострил в надежде вырвать у Верочки ещё одну улыбку, а об отцовских чувствах как-то не подумал. И через миг уже валялся в луже: отец, не долго думая, приложил его в своей обычной манере — раскрытой ладонью по уху, сбоку, но на сей раз не жалея сил.

В голове нестерпимо гудело, перед глазами плыли яркие круги, и встать на ноги у Ваньки не получалось ещё минуты три — всё это время он на четвереньках раскачивался в луже, пытаясь набрать воздуха и остановить головокружение. Отец его больше не бил: ограничился плевром под ноги и презрительным: «Свинья неблагодарная!».

Когда Ванька, наконец, сумел выпрямиться и обвести помутневшим взглядом округу, то не обнаружил ни отца, ни Верочку. После такого нечего было и думать о том, чтобы строить ей глазки и на что-то там надеяться. Ни через час, ни через три часа сидения в сарае произошедшее не стало казаться Ваньке менее трагическим. Он не мог даже представить себе, как будет теперь ходить по той же улице, что и Верочка. Отца он просто ненавидел. Замешанная на стыде ярость заставляла его в течение ещё нескольких часов обдумывать в разной степени наивные планы возмездия, но потом, когда ухо стало проходить, он отказался от них и решил просто навсегда уйти из дома. Но куда?

В Матвеевке отец обнаружит его в два счёта, туда он отправится в первую очередь. В лес? И что там делать? Бродить по ближним полянам, пугая грибников, пока не надоест жрать ягоды и сыроежки и не захочется маминого супу? Нет, определённо, для такого дела нужна была цель. Пойти по Дороге — или в Хабар, или в обратном направлении, — Ваньке показалось целью вполне достойной. Видимо, от отцовской оплеухи в мозгах что-то спуталось.

В Хабаре теперь не осталось ни души, людей уж точно: города все дотла сожгли в самом начале, и радиация там была, наверное, такая, что уже на подходах начинает першить в горле, а там недолго и до обморока. А если потеряешь сознание — пиши пропало: такую дозу схватишь, что подняться уже не сможешь, так и спечёшься заживо.

Но это так, предположения... Вестей из Хабара уже не приходило почти те самые двадцать лет, и обросшие бродяги, появлявшиеся изредка на Дороге, про Хабар не могли рассказать

ничего достоверного. Кто-то клялся, что от города остался сплошной выжженный пустырь, а от домов ни кирпичика не уцелело, только полуметровый слой сажи и пепла. Другие, наоборот, божились, что здания все стоят нетронутые, а по ночам в окнах ещё и свет горит. На самом же деле бродяги эти, скорее всего, были просто из дальних деревень, и дальше, чем километров на сто от своего дома по Дороге не уходили; большинство не решалось и на это, так что слава отважных путешественников и кусок хлеба им были обеспечены.

Может, Ванька рассчитывал, что, вернувшись из своего похода повзрослевшим и окрепшим, рассказами об увиденном сможет затмить в Верочкином воображении жалкий образ щуплого мальчишки, нарвавшегося на затрещину и беспомощно разгребаящего грязь, не в силах встать на ноги?

Хотя странников из их деревни никогда не гнали, появлялись они всё реже: на Дороге становилось опасно, лес подступал к ней всё ближе, местами из трещин уже росли молоденькие сосны. Трещин, правда, пока было немного: плотно было положено на совесть и выдержало мороз пятнадцатилетней сибирской зимы, а теперь, когда пыль стала понемногу оседать, и летом солнце пригревало всё сильнее, то и июльскую жару.

Последний чужак, если не считать Матвеевских, забредал в деревню года три назад. А уж в Матвеевке, которая вообще стояла на отшибе, о них не слышали лет пять. До неё было около шести километров. Колея шла паршивая, к тому же вдоль неё пошаливали волки, так что ездили к соседям только на рессорных телегах, обозами, с оружием, и всё равно старались успеть дотемна. Но тракт не зарастал: и деревенские, и Матвеевские не ленились убирать бурелом, рубить подобрившиеся слишком близко к обочине ядовитые колючки, и даже засыпать песком самые глубокие рытвины, в которых могли поломаться дорогие, переделанные из ржавеющих автомобилей телеги.

А как ещё быть — кроме Матвеевки, людей километров на пятьдесят в округе точно больше нет, а может, и дальние деревни тоже уже сгнули, проверять ведь никто не бросится. Вот Матвеевские — другое дело: с ними был уговор о взаимовыручке, если дикари нападут, или звери, или зимой припасы кончатся. Деревенские без Матвеевских пропали бы — у тех река, рыба, зимой только на неё и надежда. Но и Матвеевским не сладко пришлось бы: у них земля скверная, песок да глина, с такой только сосны сажать, а картошка и овощи любят, где пожирнее. Это раньше, в первые годы, их только дома в кадках можно было выращивать, а теперь небо очищалось, лето становилось всё более тёплым, и свой большой огород был уже у каждого жителя деревни.

Нет, в Матвеевку идти он не хотел. Что это за побег? Так, прогулка...

Из этого-то глупого желания предпринять что-нибудь настоящее, решительное, его и понесло на Дорогу, а когда встал выбор — идти направо, к Хабару, или налево — он пошёл налево, в неизвестность.

Сколько Ванька себя помнил, слева ещё никто никогда не приходил — все странники шли справа. Узнав от местных, что дальше их деревни, по слухам, человеческого жилья нет на сотни километров, зато в перехлёстывающей через Дорогу лесной чаще встречаются гигантские волки, утаскивающие в одиночку целого быка, путешественники чаще всего теряли весь боевой настрой и уходили обратно — туда, откуда пришли, направо. Те же единицы, что всё же осмеливались идти налево, больше никогда не возвращались, по крайней мере, в их деревню.

Ваньку же, когда он думал о Дороге, буравила беспокойная мысль — как же такое возможно, чтобы слева совсем ничего не было, если туда вёл такой великолепный, широкий, асфальтированный путь?

Ночь он провёл на сарае, не желая встречаться с отцом. Когда все улеглись, воровато проскользнул на кухню, похлебал холодного супу из убранной матерью в подвал кастрюли, набрал вяленого мяса, сухарей, сколько было, стащил отцовский охотничий нож, взял свой лук со стрелами и затаился, дожидаясь восхода.

На ночь ворота в деревню запирались. Можно было попытаться перебраться через окружавший её двойной трёхметровый частокол, составленный из сосновых брёвен, но его могли заметить со смотровых вышек, и, чего доброго, стрельнуть. К тому же в зазоре между двумя рядами брёвен бегали злющие сторожевые псы, и упасть к ним Ваньке совсем не хотелось. Самое малое, чем ему удалось бы тогда отделаться — порванные джинсы и домашний арест недели на две.

Такие меры предосторожности для деревни были не лишними: хотя о дикарях-людоедах ничего не было слышно уже пару лет, это вовсе не означало, что они окончательно покинули округу. Пока жители деревни, объединившись с Матвеевскими, не дали им отпор, те продолжали воровать скот, нападать на грибников и потом подкидывать к деревенским воротам отрезанные головы пропавших с выколотыми глазами.

С тех пор как двум сотням бойцов, которых выставили сообща две деревни, удалось застать врасплох досаждавшую им стаю дикарей и вырезать всех поголовно, в окрестностях стало потише; теперь людей тревожили только волки и большие нетопыри. Запредельная жестокость, с которой деревенские расправились с дикарями, сравняла людей со зверьми, но выкупила им несколько лет мира и спокойствия. О том, что произошло с самками и детёнышами, которых охотники обнаружили после боя на отдалённой поляне, не рассказывали даже самые болтливые из бойцов; смоляной столб, тяжело поднимавшийся с той поляны, коптил небо два дня подряд.

Однако поблизости могли бродить и другие стаи, поэтому на вышках три раза в сутки менялись дозорные, ворота запирались с заходом солнца и открывались только на восходе, а обозы редко шли в Матвеевку и обратно без охраны. Не то что бы обе деревни находились на осадном положении, но никаких дальних экспедиций ни деревенские, ни Матвеевские не предпринимали: не до чужого, своё бы отстоять.

Ночью за частокол никто и не думал соваться, и ради Ваньки охрана не стала бы снимать с ворот окованное железом бревно, служившее засовом. Куда проще было дотерпеть до первых солнечных лучей, подойти к дозорным, и, соврав, что идёт по грибы, стремглав кинуться по тоненькой тропинке, уводящей через высокую душистую траву, через кусты, огибая поваленные искорёженные деревья, за холмы — к Дороге.

Спохватились бы его не сразу: один из дежурных — хороший друг отца, передаст ему Ванькину сказку; забеспокоятся только к вечеру, если он не вернётся к закрытию ворот. А за день можно далеко уйти. Вокруг, куда ни глянь, сопки. Дорога накатывает на них волной, и даже поднявшись на самый верх гребня можно увидеть только ближайšie вершины, а впадины остаются скрыты от взгляда. Для побега удобнее не придумаешь. Если бы ещё дождь пошёл, смыл его запах и сбил с толку собак... Отец точно пойдёт искать, всё-таки единственный сын, пусть и не любимый.

Надо бы с собой, кстати, и зонт взять: хотя Ванька, как и все родившиеся после войны дети, отравленные ливни переносил лучше, чем взрослые, опасность заболеть оставалась. Зонты у них делали сами — из козьих шкур. Шерсть не сбивали, получалось забавно и как-то уютно, хотя после дождя лохматые зонтики и подванивали немного. Окрестили их почему-то «робинзонами», а Ванька, пока маленький был, да и до сих пор по привычке иногда называл, путая два слова, самодельное устройство «робинзонт».

Сидя на копне сена и глядя на круглый каравай тёмно-синего ночного неба, выпиленный в стене под самой крышей сарая, Ванька вслушивался в далёкий волчий вой и размышлял, нельзя

ли ещё всё-таки остаться. Выходило, что никак нельзя: отца он на этот раз разозлил куда крепче обычного, наутро не избежать серьёзного разговора, а может, и порки. К тому же, после позора, который его тот заставил пережить, он вообще вряд ли сможет жить с ним под одной крышей. И Верочка... Верочка была для него теперь потеряна навсегда; а видеть её каждый день, понимая это и зная, что она всё видела, была свидетельницей его унижения — лучше уж было утопиться. Или уйти из деревни.

Как только небосклон начал розоветь, Ванька ещё раз проверил содержимое своего рюкзака и выскочил из сарая. На выходе из деревни, как он и предвидел, вопросов не возникло: стражи, позёвывая и протирая красные от краткого неположенного сна глаза, громыхнули засовом, выпустили его за частокол, сонно выслушали историю про грибы и, вяло матерясь, полезли обратно на вышку.

Оставаясь в поле зрения часовых, Ванька шёл не спеша, сшибая выструганным ивовым прутом поганки, стараясь ступать как можно тише, чтобы не заглушить шагами, треском веток и шуршанием травы окрики или топот преследователей. Всё было спокойно: никто и не собирался его ловить. Через полчаса, уверившись в том, что холмы скрыли его из поля зрения сторожевых, он припустил изо всех сил. Кажется, в этом году к Дороге из деревни никто не ходил вообще: тропа еле угадывалась среди доходивших до подбородка зелёных лезвий осоки и пушистых колосьев сорных злаков.

На гребни сопки с трудом карабкалось алое, слабое ещё солнце, низина заполнялась стрёкотом кузнечиков, в придорожных кустах распевались, готовясь исполнить свою партию концерта, мелкие пташки, и на душе у Ваньки было так необъяснимо легко, словно дурацкий его побег из дома, который он намеревался отменить ещё пару часов назад, был самым лучшим и правильным из принятых им в жизни решений.

Увидев вдали Дорогу, он зашагал ещё быстрее, и передохнуть позволил себе только у покосившегося и проржавевшего указателя «Семёновка — 4 км, Матвеевка — 10 км». Сразу за ним был устроен красивый заасфальтированный съезд, но прокладывать дорожное полотно в их деревню не стали: через пару десятков метров асфальт превращался в накатанную земляную колею, а потом и вовсе в тонкую тропинку, которая и доползала, почти незаметная, до деревни.

В Семёновке на площади перед сельсоветом (там же располагались здания клуба и школы) ещё оставалось немного растрескавшегося и посветлевшего от времени асфальта, так что Ваньке это зрелище было не в диковинку. Но Дорога всё равно поражала воображение: широченная, шагов тридцать в поперечнике, удивительно гладкая — без выбоин и почти без трещин — тёмно-серая лента, уздечкой накинутая на ощетинившиеся соснами и елями сопки, да так удачно, что они не могли сбросить её и десятилетия спустя. На ней ещё сохранилась разметка — пунктирные линии были отлично видны на шершавой поверхности.

Времени размышлять не было. Ванька огляделся по сторонам, вдохнул сырой утренний воздух и двинулся налево.

Определённой цели у него не было, да и не могло быть. Когда идёшь в никуда, единственный вопрос заключается в том, когда сумеешь набраться храбрости, чтобы признаться себе в бессмысленности своего похода и повернуть назад. Оставалась, правда, крошечная вероятность встретить людей и найти себе новый дом, но в глубине души Ванька искал вовсе не этого, и чем дальше он шёл по Дороге, тем лучше понимал это.

Вначале он жался к обочине и, взбираясь на очередную вершину, прикинул к стволам деревьев, старался слиться с ними и сделаться невидимым, осматривая раскидывающуюся между холмами долину. Но, и в десятый раз никого не увидев на расстилающемся в очередной низине бескрайнем дорожном полотне, он перестал прятаться и зашагал посередине, подбадривая себя услышанной в деревенском клубе песенкой.

На привал Ванька остановился уже за полдень, в месте, где дорогу пересекала узкая стремительная речка с почти прозрачной водой. Спустившись под основательный мост, сооружённый словно в расчёте на то, что речушка может разбухнуть, и берега поднимутся раза в три, Ванька напился и достал из рюкзака провиант. За весь день он пока не встретил ни одного живого существа, видел только вдалеке лосиху с лосёнком, но подходить к ним не решился. Ему казалось, что он уже ушёл довольно далеко от своей деревни; во всяком случае, считать холмы, через которые он перебирался, Ванька утомился и бросил. А Дорога так же неутомимо ползла вперёд, и на ней не встречалось ни единого указателя на ближайшие деревни, ни съездов на просёлочные тракты — ничего. Но ведь не могло же быть так, чтобы люди строили путь в пустоту? Что-то обязательно должно было находиться там, в другом конце Дороги... Цель, к которой от самого Хабара тысячи рабочих (это как если всю Матвеевку и Семёновку вместе взять и ещё по две такие деревни, тогда, может, наберётся столько народу), прокладывали её день и ночь, год за годом, сменяясь по выслуге лет или умирая, надорвавшись, прямо здесь, в глуши, в сотнях километров от ближайшего человеческого жилья. Из этих людей сейчас в живых наверняка никого не осталось...

Если бы Ванька не знал наверняка, что Дорогу строили люди, он бы в это нипочём не поверил. Однако старшие в один голос убеждали, что раньше сооружение многоэтажных домов, могучих мостов даже над самыми широкими и бурными реками, не говоря уже об обычных асфальтированных дорогах, было делом самым что ни на есть обыденным. Дескать, это уже потом, после того, что произошло, не стало ни техники, ни горючего, ни людей, которые умели бы управлять нужными машинами и чертить планы для такого сложного строительства. Частокол и сторожевые вышки в их деревне всем скопом возводили четыре года, и это ещё ничего, быстро управились. Дома если строили новые — то только из дерева, научились класть без гвоздей, потому что гвоздей теперь было не достать, разве что старые выдёргивать, но они все ржавые... Пара оставшихся с прежних времён кирпичных построек — клуб, школа и сельсовет — в тяжёлые времена использовались как крепости. Если случались налёты, в них прятали женщин и детей. То же и в Матвеевке, хотя у них и клуба-то даже не было.

К вечеру совершенная, невообразимая пустота на Дороге стала настораживать и давить. Видимо, где-то неподалёку произошёл выброс: деревья постепенно изменялись, становились всё больше, за обычными осинками и сосенками, выстроившимися вдоль обочины, теперь виднелись раскоряченные чёрные контуры огромных мутировавших дубов и елей. Они

раздваивались, растранивались, напоминая в отчаянии протянутые вверх ладони умирающего, узловатые пальцы стволов были, казалось, скрючены в невыносимой боли последней агонии. Ванька пожалел, что не украл у отца дозиметр: ему он сейчас наверняка пригодился бы больше. Птицы здесь не пели; из чащи доносилось только мерное уханье совы; а когда на небосклоне начал проявляться бледный призрак Луны, издали послышался мертвящий волчий вой. Слава богу, на него никто не отозвался; но ночевать на земле Ванька всё равно не решился. Выбрав корявое дерево, стоявшее поближе к Дороге, он взобрался на то место, где ствол расходился в стороны и устроил себе гнездо. Высота была метра четыре, упадёшь — хорошо, если отделаешься переломами, зато обычный волк не достанет.

Луна налилась цветом алюминиевой ложки, на почерневшем усталом небе стали заметны червоточины звёзд. Сквозь наступающую дрёму Ваньке подумалось, что ночью на небо просто накидывают покрывало, и если выстрелить в него из лука, стрела проделает прорезину, через которую будет пробиваться лучик света — вот тебе и звезда...

Затрещали, ломаясь, как лучинки, сухие ветви умерших лесных гигантов, тоскливо закрипели, подаваясь под напором невиданной силы стволы живых деревьев, подобострастно зашуршали приминаемые кусты... Сквозь чащу напролом двигалось, тяжело хрипя, что-то невероятно огромное, такое, о чём Ваньке никогда не приходилось ещё слышать. Дуб, на котором он спал, сотрясался от каждого шага чудища, словно его, как и Ваньку, от ужаса била дрожь, и листья испуганно перешёптывались между собой. Ванька вцепился в ближайшие ветки и попробовал чуть приподняться, прижимаясь к стволу, чтобы разглядеть зверя, или хотя бы определить, на каком расстоянии он находился.

Ему повезло дважды: первый раз, когда создание вышло на небольшую прогалину шагах в пятидесяти от Ванькиного гнезда, чтобы оглядеться и принюхаться. Огромный тёмный силуэт было плохо виден на фоне переплетений больных осин и елей, и Ваньке так и не удалось определить, был ли это мутант какого-либо из известных ему зверей, или нечто вообще доселе невиданное. Видно было только, что передвигалось оно на четырёх лапах, а в холке достигало не меньше трёх метров.

Ветер дул Ваньке в лицо, вот и второй раз удача ему улыбнулась: посопев с минуту, но так и не учуяв его, чудище испустило недовольный рык, развернулось, привстав на задние конечности, ударом передних свалило несколько молодых сосенок и двинулось обратно в чащу.

Всё это время Ванька сидел, парализованный страхом, крепко, как мать родную, обняв толстую ветку и не отваживаясь даже утереть испарину со лба. Когда треск и скрип угасли в отдалении, он осторожно, стараясь не произвести ни малейшего шума, лёг обратно в своё гнездо и тихо-тихо выдохнул. Что-то подсказывало ему: встречу с этим созданием удавалось пережить мало кому даже из опытных охотников.

Несмотря на пережитое, ему удалось забыться сном: чудище, видимо, перепугало не только его, и за всю ночь в округе больше не было слышно ни волчьего воя, ни дурных криков нетопыря, ни истошных совиных всхлипываний.

Когда он очнулся, солнце стояло уже довольно высоко. Осторожно спустившись на землю, Ванька пригляделся и обмер: земля вокруг дерева, на котором он провёл ночь, была покрыта десятками следов... Волки? Он судорожно осмотрелся по сторонам. Тайга, казалось, тоже вглядывалась в него, задумчиво шелестя миллионами листьев, поскрипывая еловыми лапами, изучая, изучая...

С этого места, так или иначе, надо было скорее уходить: даже если волки пока оставили его в покое, они могли вернуться. Здравый смысл требовал от Ваньки возвращаться назад, в деревню. Но ночная встреча оказала на него странное действие: она чуть-чуть приподняла

завесу страха и лени, скрывающую от деревенских остальных мир — мир, лежавший за пределами Семёновки и Матвеевки, мир, в который вела древняя Дорога. Встреча эта не только перепугала его, но и пробудила в нём зазорное мальчишеское любопытство — силу, способную противостоять пещерному страху перед скрывающимися в темноте неизвестными чудовищами.

Не отдавая себе толком отчёта в том, что делает, Ванька решительно наморщил лоб и заспешил в сторону, противоположную своему дому.

Через несколько часов ходу холмы закончились. С последнего крутого склона ему открылась огромная долина, сочащаяся тёмными болотцами, поросшая двухметровым камышом и осокой, потеющая дурманом гнилостных испарений. Дорога здесь была проложена по высокой каменистой насыпи. Оставаясь, наверное, единственным куском твёрдой почвы под ногами, она тянулась, сколько хватало глаз, монотонно серая, ровная, с теми же яркими, неуместно праздничными линиями разметки, она всё бежала вперёд, в некую дальнюю точку, ведомую только её безгранично могучим создателям. Для Ваньки она оставалась последней опорой в этих становившихся всё более опасными и враждебными землях.

О Верочке, о ссоре с отцом и о том, как переживает сейчас мать, он больше думать не мог и не хотел. Теперь его занимала только сама Дорога и то место, куда она вела. Ванька принялся фантазировать, напрягая всё своё воображение, чахлое, как овощи из кадушек, всю жизнь простоявшие в избе и никогда не видевшие солнца.

Город? Может быть, такой же большой, как Хабар, или ещё больше? Старики говорили, что городов раньше было много, в них-то и жило большинство людей. Но что значит — много? Пять? Семь? Получалось как-то слишком много народу, такого быть явно не могло; дед Марат вообще был известен своей склонностью к преувеличениям.

Судя по качеству Дороги, по тому, сколько лет она простояла, выдержав такие испытания, по ту сторону сотен, а может, тысяч километров асфальтового полотна находилось что-то чрезвычайно важное. Тайник с сокровищами? С лекарствами? С оружием? Ванька представил себе, какие почести ему будут в родной деревне, случись ему обнаружить, скажем, огромные подземные склады с автоматами и ружьями... У них на всю деревню было два ружья, и те без патронов. Одно висело на стене у председателя сельсовета, другое принадлежало Вепрю — самому сильному и умелому из охотников. Тот выходил с ним на деревенские праздники, вызывая уважительный шёпот в гуляющей толпе. Ни одно, ни другое не стреляли уже лет восемь. Ванька вроде бы помнил из детства, как звучал ружейный выстрел, но детские воспоминания зыбки и неверны, вполне могло быть и так, что он путал его с раскатом грома...

Прямой как древко отцовского копыя, путь уходил в затянутый белёсым маревом горизонт. Спустившись с пригорка, Ванька ещё добрых три часа вышагивал по разогретому асфальту; последний холм за спиной уже растаял в болотной испарине, а впереди было всё то же: Дорога, Дорога... До наступления темноты обязательно надо было найти пристанище, иначе всему его походу грозил скорый и нелепый конец. Чем дальше он уходил по Дороге, чем больше думал о её предназначении, тем более обидным казалось ему погибнуть, так и не узнав, что же там — с того края, и тем более позорным виделось ему возвращение домой с пустыми руками из такой многообещающей экспедиции.

Самодельные сандалии натёрли ноги, и Ванька стащил их, как только солнце оставило асфальт в покое и тот начал постепенно остывать. В некоторых из болотцев вода казалась вполне пригодной для питья; короткий привал, кусок вяленого мяса и пригоршня сухарей — и снова в путь. Погружающееся в трясины багровое светило ещё переплетало своими лучами стебли камышей, но тьма становилась всё гуще, и вместе с ней на топи приходила новая, сумеречная жизнь.

Вдалеке кто-то жалобно закричал, почти по-человечьи; потом шагах в ста в воде

всплеснулось что-то тяжёлое, подняв такой фонтан брызг, словно за обочинами дороги начинались не мелкие болотца, которые можно было перейти в любом направлении при помощи крепкой длинной палки, а бездонная пропасть, заполненная тёмными мёртвыми водами, скрытыми предательски невинными кувшинками, лениво плавающими на поверхности. Доверься им, поддайся искушению прошлёпать усталыми ступнями по прохладной водице — и трясина заглоти́т тебя и утянет вниз, удовлетворённо отрыгнув пузырями воздуха из твоих лёгких — единственным, что она отпустит назад, наверх.

Как бы он ни устал, устраиваться на ночлег прямо посреди Дороги, на виду у волков и прочих хищных тварей, было ни в коем случае нельзя. Свернуть и спрятаться в камышах? Чёрт знает, что обитает в этих зарослях: Ванькин отец никогда так далеко от деревни не отлучался, во всяком случае, по Дороге до болот не доходил, охотился всё больше в лесах. Болота — место гиблое, не будь по ним проложен старый надёжный путь, Ванька сюда нипочём бы не сунулся. Оставалось только идти вперёд, в расчёте выбрести всё-таки к поселению или хотя бы маломальски укромному и защищённому пятаку твёрдой земли.

Ночь, как назло, выдалась облачная. Если накануне Луна своим оловяннным блеском обозначала очертания находящихся даже на приличном расстоянии предметов, то теперь Дорогу удавалось разглядеть только десятка на два шагов вперёд; болота же и вовсе канули во тьму.

Хуже, казалось, с ним уже ничего приключиться не могло.

И тут далеко за спиной послышался странный, нехороший звук — сначала робкий, незаметный, он усиливался, пока не закрепился на одной постоянной громкости, словно преследовавшее Ваньку существо догоняло его, а потом, пристроившись на удобном расстоянии, кралось за ним, не выпуская из виду.

Мерное, зловещее поскрипывание. Услышав его ночью на построенной мертвецами, заброшенной Дороге Ванька сразу подумал о призраках, может быть, душах строителей, сгинувших в окрестных топях... Вспомнилась и детская сказка о медведе, которого хитрый мужик поймал в капкан, а тот отгрыз себе лапу и ночами ходил вокруг его одинокой избушки, поскрипывая деревянной ногой и требуя отдать настоящую, повешенную мужиком дома... Ерунда, в общем, всякая, убеждал себя Ванька.

Обернулся назад — ничего не видно. Крикнул, потребовал назваться — не отвечает. Сделал пару шагов навстречу, надеясь спугнуть — нет, преследователь не отступил; значит, он сильнее. Бросаться на него с отцовским ножом — глупость: кто знает, что там такое. Не нападает — и ладно...

Успокоиться не получилось: сердце колотилось о рёбра, в горле встал ком. Ванька пытался держать себя в руках, говорил себе, что бежать нельзя: если это зверь — почует страх, бегство может подтолкнуть его к нападению. Да и человеку станет ясно, что Ванька слаб и станет лёгкой добычей. Мало ли в чьи владения он забрёл, в чьей паутине запутался? Неосторожными странниками, соблазвившимися зовущим в путь надёжным покрытием Дороги, могли кормиться и дикари, и работорговцы, и шаманы-телепаты — как знать, может дед Марат на этот раз не брехал?

Перепуганный собственными мыслями не меньше, чем загадочным звуком за своей спиной, Ванька не выдержал и бросился бежать, отбивая ступни, заглушая захлёбывающимся дыханием и оглушительным стуком крови в ушах чёртово поскрипывание... Пробежав минут двадцать, он решил, что оторвался и перешёл на шаг. Рано: через несколько минут из темноты за спиной, сначала убыстренный, словно ему тоже пришлось пойти на некоторые усилия, а потом уже привычно-размеренный, выплыл холодный, бездушный скрип... Деревянной ноги? Или всё же иссохших коленных и тазовых суставов, с которых могильное вороньё обглодало всё мясо?

Спасение было поистине чудесным. Так и не набравшись достаточно храбрости, чтобы остановиться и встретиться с преследователем лицом к лицу, Ванька загнанно шагнул вперёд, как беспомощная скотина, идущая на убой, готовый в любой момент спиной, затылком принять удар, который положит конец его глупой аванюре.

И тут расстилавшийся перед ним сплошной мрак выплюнул предмет, который он меньше всего ожидал увидеть, хотя, если задуматься, тут, на Дороге, он и был уместен более, чем где-либо.

Всего в десяти метрах от него серел остов рейсового автобуса. Ванька узнал его сразу: у них в деревне был похожий, его притащили туда ещё в самом начале, вместе с другими машинами. Колёса и оси сняли и переставили на телеги, а сам автобус ещё долго использовался как казарма для дозорных, пока крыша не проржавела и самые деятельные из дружинников не растащили стёкла и резиновые уплотнители по домам.

Вот оно, укрытие! Задняя дверь, самая ближняя к нему, к счастью, была приотворена. Бросив последний взгляд назад, Ванька вскочил на подножку и оказался внутри автобуса. Попытаться запереться в этом единственном, самым Провидением посланном ему убежище, и попробовать продержаться в нём хотя бы до рассвета!..

...В нос ударил терпкий запах мокрой собачьей шерсти. Холодея, Ванька за доли секунды понял, куда попал, а глухое рычание сразу нескольких волчьих глоток подтвердило его страшную догадку ещё до того, как он успел взглянуться в темноту салона. Осторожно, шаг за шагом, не поворачиваясь спиной к прячущимся в тених серым бестиям, он спустился по ступенькам на Дорогу — чтобы оказаться между молотом и наковальней. Если он не достанется на растерзание своему невидимому преследователю — то только для того, чтобы его сожрали волки.

Он уже ни на что не надеялся: с его детским луком и отцовским ножом он не сможет дать тварям отпор; спрятаться негде, бежать бессмысленно. Сначала один, а за ним и другой волк мягко спрыгнул в придорожную пыль вслед за ним.

В мутном свете занесённой облаками Луны они казались ещё больше, чем были на самом деле. Явно, мутанты, хотя и не из того гигантского вида, даже слухи о появлении которого наводили ужас на все известные деревни.

Тела туго выгнуты, как натянутая тетива лука, готовые распрямиться в единственном точном броске. Ванька выставил вперёд руку с ножом, понимая, что ничего он уже не изменит, что с нападением они временят только чтобы оценить исходящую от него угрозу...

Гром грянул неожиданно — без молнии, и отчего-то не с небес, а из-за спины, с Дороги. Один из волков кувырнулся назад, завизжал по-собачьи, упал на бок, попытался подняться — не смог, пополз было обратно, к автобусу, но, так и не добравшись, заскулил, задёргался и застыл. Второй бесшумно канул во тьму, растворился, словно его и не было вообще. Ванька замер, ошеломлённый, хотя и начал уже догадываться, что произошло.

Шагах в двадцати от него чиркнула зажигалка, запаливая фитиль в масляной лампе. Обычный человек, один, с диковинным оружием в руках — вроде как винтовка, но короче и с большим магазином посреди. У его ног неподвижно сидел огромный свирепого вида пёс, размерами, пожалуй, превосходивший убитого волка, — как ему удалось заставить собаку вести себя так тихо, несмотря на близость хищников? На асфальте валялся, поскрипывая крутящимся колесом... самокат?

— Велосипедов не видел, что ли? Чего так уставился? — в голосе звучала усмешка, но добродушная, необидная.

— Видали мы ваших... Волоси... Лосипедов, — неуверенно отозвался Ванька.

— Да ты подходи, не бойся. Тузик не тронет, — человек потрепал пса по загривку, и тот

нервно зевнул, всматриваясь в темноту где-то далеко впереди.

— А ты чего пугаешь так? За волков — спасибо...

— Присматривался к тебе... Ну и вообще... Веселья тут мало, сам понимаешь. Извини, — мужик смущённо кашлянул.

— А что за порода? — Ваньке этого вполне хватило, чтобы забыть о пережитом страхе; в конечном итоге, привередничать и долго дуться на единственного человека на десятки километров вокруг, который, к тому же, его спас, было просто глупо.

— Волкодав, судя по всему. Чёрт его знает...

— Тузик? — недоверчиво уточнил Ванька.

— Кто же знал, что он такой вымахает, — пожал плечами человек. — И продолжает расти, так что придётся переименовывать, видимо.

Он был высокий, но очень сутулый и худой. Когда Ванька, наконец, решил подойти поближе, человек откинул назад капюшон плащ-палатки, который скрывал его лицо, и протянул ему широкую мосластую ладонь. Он был весь седой: и удивительно хорошо сохранившиеся, остриженные под горшок волосы на голове, и недлинная борода, и кустистые брови. На вид Ванька бы дал ему все пятьдесят, но двигался и говорил старик необычно хорошо для своего почтенного возраста. Может, он просто от облучения такой седой?

— А тебя как звать? Иван, значит? А меня можешь Серафимом Антоновичем. Давай-ка с тобой до автобуса дойдём. Надо на ночь где-то остановиться.

— Там логово было. Вдруг второй вернётся?

— Не вернётся, — Серафим Антонович снял руку с ошейника своего пса, хлопнул его легонько по спине и тот, так и не издав ни звука, метнулся к болотам. — Если их там не больше трёх будет, он их как крыс передушит. Не зря выкармливал.

Приперев дверь посохом, он расстелил на полу автобуса свой плащ, достал из рюкзака завёрнутый в обрывок полиэтиленового пакета увесистый кусок жареного мяса и вонзил в него нож с необычным чёрным лезвием.

— Извини уж, придётся холодным есть. Костёр разводить боюсь. Кто его знает, что там дальше на дороге, в этой чёртовой темени даже с прибором ничего не видно дальше сорока метров. Волки — ерунда, люди страшнее будут...

Он вручил Ваньке его порцию и налил ему в крышку побитой походной фляжки прозрачной пахучей жидкости.

— Натерпелся, небось? Пей-пей, не трусь, я с тобой тоже выпью. Ну, откуда и куда? — вслед за Ванькой он приложился к фляге, крикнул и приглашающе кивнул.

Он, оказывается, не знал про их деревню, расспрашивал подробно, интересовался и Матвеевкой, и обороной от дикарей, и хозяйством. За свои тринадцать лет Ванька уже навидался всякого и никогда не стал бы болтать лишнего в разговоре с чужаком, но в Серафиме Антоновиче было что-то особенное, располагающее; казалось, Ванька знает его давным-давно, потому и говорить с ним можно было открыто, как со старым знакомым.

— Врёшь! — убеждённо заявил он, когда Ванька добрался до своей странной ночной встречи в лесу. — Таёжный дьявол свидетелей не щадит.

— Это мутант, да? От какого зверя? Ты слышал про него что-нибудь?

— Слышать много кто слышал, вот увидеть — это да! Кто говорит, это медведи какие-то особенные... Вроде бы, где-то тут раньше был экспериментальный ядерный центр, секретный. На картах его не было, дороги туда тоже, понятное дело, нет. Но кто надо, всё про него знал. Ударили по нему как следует, так что вся живность, включая насекомых, в радиусе ста километров перевелась. Зато вот эти появились. Но вообще... Ты, наверное, карты нашей бывшей страны не видел никогда? Есть у меня тут, — он запустил руку в рюкзак и извлёк

оттуда бумажный прямоугольник. — Вот, гляди... Вот это всё наша страна была. Города — только тут, тут и вот тут. А вот это всё — территория с бывшие Штаты, земля им пухом, здесь вообще ничего не было. Ничего, понимаешь? Никогда ничего не было. Только сопки, болота, ручьи, леса... Тысячи километров без дорог, без единой деревни... Их, в крайнем случае, на вертолёте раз в год облетали... Может, эти дьяволы таёжные здесь всегда жили. Кто вообще знает, что там было, в тайге? А уж сейчас-то...

Ванька просто хлопал глазами, из сказанного он не понял и половины. Желто-коричневый бумажный лист, по которому Серафим Антонович водил пальцем, для него вообще ничего не означал.

— Города — это как Хабаров? — ухватился он за знакомую тему.

— Как Хабаровск, да... Или как Владивосток... Как Питер. Как Москва, — Серафим Антонович перечислял негромко, но в голосе его звучала такая горечь, каждое новое название — видимо, других городов — звучало, как ещё один удар колокола, звонящего на похоронах. Похоронах того мира, который для него был родным.

— Давай-ка мы с тобой ещё по одной накатим. По последней. За тех, кого с нами больше нет. За все сто сорок миллионов, — он опрокинул фляжку, сделал большой глоток, зажмурился и умолк.

Ванька тоже молчал, не зная, что сказать. Сквозь оторванный люк в крыше была виден кусочек неба. Поднимался ветер, грузные облака неслись всё быстрее и быстрее, на короткие мгновения приоткрывая Луну. В проржавевших щелях тихонько завывало, на пол автобуса падали лёгкие мимолётные капли. Пока моросило несильно, опасности не было, но Ванька всё равно залез на остов сиденья, высунул в люк свой зонт и раскрыл его. Так надёжнее. Неизвестно ещё, можно ли будет завтра продолжать путь. Да и куда идти?

— Ты куда идёшь? — спросил он у старика.

— В Москву... По делам.

— А что это? Тоже город, как Хабаров?

— Не дай Бог, чтобы Москва — как Хабаровск... Я видел его издалека. Город-призрак. По нему бактериологическим оружием работали. Инфраструктуру берегли, суки. До сих пор за десять километров до города карантинная зона начинается. Через костюмы химзащиты проезжает, так постарались... Я там неделю провёл, всё своим глазам поверить не мог: единственный нетронутый войной город, прямо как раньше. На холм забирался, как раз на одиннадцатом километре от крайнего микрорайона, и смотрел, смотрел часами. Давно не видал городов, соскучился. От Владивостока вот совсем ничего не осталось, волной за три минуты смыло начисто.

Снаружи раздался тихий скрежет: кто-то скрёб металлическую обшивку автобуса. Серафим Антонович поднялся, посмотрел за запылённое окно и открыл дверь. Его волкодав сначала встал на ступеньки передними лапами, просунул внутрь свою огромную серую башку, принялся и недовольно зарычал, но потом всё же запрыгнул внутрь, и, лизнув ладонь хозяина, примостился у его ног. Сначала он исподлобья, снизу вверх недоверчиво глядел на Ваньку, потом глаза его стали закрываться, и он задремал. Вслед за ним провалился в сон и сам Ванька. Старик тихо покачал головой, глядя на спящего мальчишку, пригладил своего пса и задул лампу.

Снились Ваньке река в Матвеевке, тарзанка, с которой местные пацаны прыгали в прозрачную и зеленоватую, как бутылочные осколки, воду. Вслед за остальными он забрался на дерево, ухватился за канат, но высота оказалась неожиданно большой, довольно широкая река превратилась в тоненький ручеёк где-то далеко внизу, и Ванька, уже оттолкнувшись ногами от ветки, всё никак не мог решиться отпустить канат и броситься вниз. Потом рука соскользнула,

сорвалась, дыхание перехватило, и, подняв брызги, он рухнул в воду.

Он лежал прямо под люком. Зонт, видимо, сорвало ветром, и сквозь отверстие на лицо лениво капал дождь. Светало. Ванька встал на спинку сиденья, подтянулся на руках и вылез на крышу — поискать зонт сверху. Но он тут же забыл про него, и так и остался сидеть, прикованный открывающимся страшным и чарующим зрелищем, не веря своим глазам, на крыше, глядя вперёд...

Ночной туман постепенно рассеивался, за его спиной неспешно всплывало солнце, небосклон окрашивался в светло-серый цвет. И та часть Дороги, которая лежала впереди них, через которую им предстояло идти сегодня, становилась видна всё лучше.

...В пятидесяти метрах от автобуса на Дороге стоял ещё один, почти такой же. За ним — ещё, и ещё, десять, двадцать, двести... Их было больше, чем число, до которого Ванька умел считать, — ржавых легковушек, грузовиков, пассажирских автобусов всех размеров, они занимали все полосы Дороги, теснились на обочине, бесконечной колонной уходя в рассветную дымку, но Ванька уже догадывался, что когда совсем рассветёт и туман растает, колонна будет продолжаться ещё дальше — может быть, до самого горизонта... До той точки, где её что-то остановило. Остановило навсегда.

Автобус, в котором они провели ночь, был последним, отставшим звеном в грандиозной армаде автомобилей, десятилетия назад направлявшихся по Дороге на запад.

Сотни, тысячи пустых машин — больших, с красивыми плавными контурами, наверняка невероятно дорогих — вперемешку с бедняцкими угловатыми жестяными коробками на колёсах... Двери одних открыты нараспашку, у других заботливо прикрыты их водителями, которые, наверное, надеялись ещё сесть за руль, завести моторы и двинуться дальше, а может, вернуться в свои дома, когда всё закончится.

Куда они исчезли? Решили продолжать свой путь пешком, чтобы как можно дальше уйти от преследовавшей их неведомой опасности, подхлестывавшей, не дававшей остановиться ни на минуту? Сгинули... А ржавеющие каркасы их автомобилей остались здесь единственным памятником своим хозяевам — на сто, триста лет, пока кислотные дожди не разъедят окончательно и их, и воспоминания о судьбе людей, которым они принадлежали.

— Вот она, эвакуация, — послышался снизу голос Серафима Антоновича. — Вглубь ехали, подальше от границ. В Читу, наверное... Не доехали.

Ванька свесился с крыши. Старик стоял с дымящейся самокруткой в руке, рядом с ним сидел его пёс. У дверей автобуса валялся ещё один мёртвый волк — с перегрызенной глоткой.

— У многих наших родные тоже где-то здесь были, наверное, — он глубоко затянулся и закашлялся, выпуская изо рта клубы сизого дыма. — Поближе к голове колонны. У военных семьи заранее предупреждали. Что же там такое произошло? Неужели по гражданским специально ударили?

Он поднялся внутрь, отряхнул и свернул плащ, собрал рюкзак, закинул за плечо своё необычное ружьё и глядя на мальчишку снизу вверх, сквозь люк, сказал:

— Ладно, Иван, я, пожалуй, поеду. Возвращайся ты лучше домой. Там, на западе, тебе делать нечего.

— Возьми меня с собой, а? — неожиданно для самого себя попросился Ванька. — Я в деревню не вернусь. А даже если бы и хотел, одного меня волки сожрут, и всё. Я уж лучше с тобой, дальше. Я охотиться могу...

— Ну, смотри, — легко согласился старик. — Вдвоём мы, конечно, медленней пойдём, но хоть повеселее будет. А то за месяц от Владивостока я заскучал немного... Посажу тебя на багажник. Собирай пожитки.

Немного побалансировав, обретая устойчивость с новым грузом, Серафим Антонович налёг на педали, и велосипед, жалобно скрипнув, дёрнулся с места.

Они ехали вдоль обочины, лавируя между брошенными машинами, час, другой, третий; волкодав трусил рядом с велосипедом, опустив обрезанные треугольником уши. Снова начал моросить дождь, и Ванька раскрыл подобранный зонт.

Автобусы, грузовики, легковые авто — все они были пустые. Некоторые были разграблены, но к большинству никто не притронулся. Сквозь уцелевшие грязные стёкла были видны оставленные в спешке вещи — детские игрушки, книги, сумки. И от всего этого Ваньку вдруг захлестнула такая невыразимая тоска, словно его родные тоже уехали в никуда в этом караване смерти.

— Это ведь не просто дорога, — рассказывал негромко Серафим Антонович. — Стройкой века в своё время была... Её чуть не полвека сооружали: возьмутся, потом средства кончатся — бросят. В основном, когда нефть дорого стоила — строили, потом как-то притормаживали... Забывали, а когда вспоминали — гордились. Шесть полос, передовые технологии, трасса в будущее, новый БАМ, чего только не говорили. Какой был проект — шестиполосное шоссе через всю страну! Президент лично приезжал открывать, с фанфарами...

— А куда она ведёт?

— В Читту, потом в Улан-Удэ, в Иркутск, потом в Новосибирск, потом на Урал — в Екатеринбург, и дальше — до Москвы. Через всю Россию — в столицу. Я вот тоже решил на старости лет податься. Дома мне делать больше нечего, собрался посмотреть на родную страну напоследок, — старик оглянулся на Ваньку и криво ухмыльнулся.

— Издалека едешь?

— Наши от Владивостока в ста пятидесяти километрах живут. Когда всплыли окончательно — уже несколько месяцев после войны прошло... В ближайшем опустевшем рыбацком посёлке обосновались, так там с тех пор и обретаемся.

— Откуда всплыли? — окончательно запутался Ванька.

— Ты всё равно не поймёшь... А поймёшь — не поверишь. В общем, когда война началась, я на подлодке служил. Только на боевое дежурство заступили. А эти подводные атомоходы вообще обнаружить невозможно, если они сами себя не засветят. Можно залечь на дно и месяцев семь лежать тихо, продовольствия хватит, питьевую воду и воздух установки прямо из морской воды вырабатывают. Подлодка — целый город, больше вашей Семёновки. А на борту — ракеты с ядерными боеголовками, одного судна хватило бы, чтобы четверть Китая с карты стереть, если аккуратно целиться. Экипаж — больше ста человек, все один к одному подобраны, по полгода в стальном гробу на дне океана болтаться не с каждым можно. Команда...

— Так ты в войне участвовал? — Ванька не верил своим ушам: из ветеранов не выжил никто, ни в Семёновке, ни в Матвеевке, поэтому истории о войне перевирали люди, которые к ней никакого отношения не имели.

— Странно получилось. Вроде и участвовал, а вроде и нет. Короче, когда мы приказ получили, находились в Индийском океане... Как тебе объяснить... Далеко от цели. Сразу легли на курс, пошли к заветным берегам, — он ухмыльнулся, — разряжать по ним весь наш арсенал. А пока шли, от мира уже ничего не осталось. На такое, конечно, не рассчитывали. Думали, конфликт будет по книжкам развиваться, постепенно, все единицы успеют выйти на позиции... Никто такой стремительной эскалации не ожидал. На четвёртый день уже связь с Москвой

пропала, на пятый — с Владивостоком. Приказ есть приказ — мы, понятное дело, дошли до Западного побережья и добросовестно отутюжили его как следует ещё раз, только там уже к тому моменту всё в руинах лежало. И береговая охрана, и противоракетная оборона... По нам даже никто не работал. Выпустили ракеты, погрузились и пошли обратно. Картина уже ясна была: ни тебе Китая, ни Индии, ни Японии, ни Австралии. Ничего не осталось. Чего уж там о России говорить, или о Штатах... Особенно, конечно, густонаселённым странам тяжело пришлось: хотя по Европе по началу нейтронным оружием больше били, бактериологическим, химическим, думали — зачем разрушать, если можно будет ещё захватить, присоединить, пока не стало, наконец, ясно, что война превращается в коллективное самоубийство, и всё уже всё равно летит в тартарары... На определённом этапе уже ни с чем не считались. Били по городам, по трассам, по которым люди пытались спастись, убежать из-под бомбардировок... Как эта вот, по которой мы едем.

— А почему вас не нашли? Под водой не умели искать?

— Я же говорю, походи найди её, если она двигатели отключила... Да и пока мы до позиции дошли, война уже, по большому счёту, закончилась. Мы, на всякий случай, залегли на дно, подождали ещё две недели. Ведь на тот случай, что человечество само себя полностью уничтожило, инструкций нет. Даже сдаваться некому было. Наш радист эти две недели постоянно эфир прочёсывал, почти не спал — все крупные города молчат. Москва молчит, Питер молчит. Владивостока тогда вообще уже не было. Отзывались ещё какие-то дальние гарнизоны, но потом и с ними связь пропала. Большинство подлодок тоже погибло. Те, которые у берегов Штатов, или в Заливе, или у Китая дежурили — всплыли, отстрелялись, обнаружили себя, и всё. Но они знали, на что идут. Так, как нам повезло только двум-трём экипажам. Однажды, когда уже окончательно поняли, что война кончилась, вышли на связь с ещё одной нашей лодкой, у которой порт приписки в Архангельске был. Те шли на острова какие-то... На Сейшелы, что ли, или на Мальдивы... Что-то этакое туристически-райское. Говорят, теперь уже всё равно, куда плыть: возвращаться, в любом случае, больше некуда. Мы тоже думали, может, податься на какие-нибудь дальние необитаемые острова в Тихом океане, если что-нибудь вообще уцелело. Хотя кому, к примеру, нужен какой-то индонезийский архипелаг? Но у нас многие офицеры были из Владивостока, матросы тоже всё больше из дальневосточных городков, как-то так вышло. Вот и решили переждать ещё, а потом всё-таки домой.

— А из врагов остался кто-нибудь? Из американцев? — ляпнул Ванька первое попавшееся, что пришло ему в голову.

— Что у них там на континенте творится, понятия не имею. Были же у них какие-то убежища, должны были люди выжить, по крайней мере, в первое время. Но по поводу суши тебе бы кого-нибудь из РВСН спросить, или из Генштаба, если бы кто в живых остался. А что касается моря, могу рассказать. Был один случай, месяца через три после конца света. Мы недалеко от бывшей Японии проходили... Она ведь под воду ушла, и Хоккайдо, и Хонсю... Китайцы, по-моему, взорвали термоядерный заряд на километровой глубине. Хороший ход: пожертвовав всего одной подлодкой, устроили япошкам Атлантиду. Пускай теперь грядущие цивилизации ищут их по нашим картам... После этого-то Владивосток и накрыло волной. Так вот. Мы как раз проплывали над Токио... Запеленговали что-то крупное. Система немного барахлила, её ещё перед выходом в море должны были отладить; первые три месяца она нормально работала, а потом — всё хуже и хуже. Так что сразу мы не поняли, с чем столкнулись. А поближе подошли — уже поздно. Я в тот момент в рубке был, всё сам видел. Никогда в жизни не забуду тот день... Внизу — затопленный мегаполис, по большей части разрушенный, но стоят и целые дома, даже небоскрёбы. В Японии ведь землетрясения часто бывали, так что они строили с таким запасом прочности, что выдержало даже Апокалипсис. И

вот мы видим на радаре большой объект — вроде бы прямо рядом с нами, а в иллюминаторах и на мониторах ничего нет, вода ещё мутная, и вокруг только контуры небоскрёбов этих — наверное, деловой квартал там у них был, пока дела не стали совсем плохи. Мы и решили — просто упавшее здание запеленговали... И тут меня капитан локтём поддых как пихнёт, а сам за трубкой тянется... Из-за широкого такого здания, книжечкой, медленно показывается гигантская чёрная сигара... Прожекторы на носу и на рубке светятся... И рубка такая крылатая, характерная: американский «Трайидент» во всей своей красе. Меня пот прошиб. Они нас видят, и мы их видим. Но под таким углом друг к другу стоим, что торпеды сразу не выпустить, надо разворачиваться. Капитан трубку уже у уха держит, готовится командовать, но видит, американцы медлят. Может, просто уже весь боезапас расстреляли, но я думаю, в тот момент и в них, и в нас что-то сломалось, что-то мы поняли. Что пусть мы с ними и кровные враги, пусть с этой самой субмарины взлетали ракеты, которые потом падали на Питер, на Ростов, на Москву может даже, пусть мы превратили в пепел Калифорнию, но всё это позади. Война закончилась. Мы все просто выполняли свои приказы, и именно поэтому нашего мира больше нет. Именно поэтому ни им, ни нам некуда возвращаться, и три месяца спустя после окончания боевых действий мы всё ещё бесцельно, как собаки, потерявшие хозяев, кружим по океану. Нами никто теперь не командует, и значит, мы вовсе не обязаны вцепиться друг другу в глотку в последней схватке. Ни им, ни нам не нужна была эта маленькая бессмысленная победа в проигранной всеми войне. Радио молчало: всё было ясно без слов. В рубке у нас тоже стояла такая тишина, что можно было, наверное, услышать крик кита за тысячу километров. Пять, десять, пятнадцать минут тот «Трайидент» висел перед нами в мутной воде в центре Токио, а снизу на нас выжидающе смотрели выеденными рыбами глазницами двадцать миллионов мёртвых японцев. Через двадцать минут «Трайидент» посигналил нам прожекторами и медленно уплыл. Отдавал честь, надо думать...

Серафим Антонович замолчал, но Ванька не решался лезть с вопросами, чувствуя, что тот хочет сказать что-то ещё.

— Иногда я представляю себе, что этот «Трайидент» ушёл к Сейшелам, или к Мальдивам, или куда там отправились те, архангельские... А может, туда же однажды приплыла последняя китайская подлодка, из тех, кто понял. И что там, на этих Сейшелах, все они могут спокойно подняться на поверхность, и сойти на берег, и задраить люки своих атомоходов навсегда. Потому что война действительно закончилась, и все они — безжалостные убийцы, дисциплинированные исполнители, выполнившие свой долг воины, — больше не должны нести разрушения и смерть. Они заслужили отдых. Они могут забыть и простить друг другу, и у них получится вместе жить в этом маленьком тропическом раю, спать на белых-белых песчаных пляжах и любить бронзовокожих островитянок, пусть они и не заменят им никогда попавших в Преисподнюю жён...

Тугое свинцовое небо вяло сочилось прохладным дождём, он задумчиво барабанил по шкуре зонта, меланхолично скрипели колёса велосипеда, и колонне брошенных машин всё так же не было видно ни конца, ни края.

— Но ты ведь не просто так в Москву надумал идти? — спросил Ванька, отрывая ножку зажаренной на костре птицы, которую он сам подстрелил из лука.

— Я об этом думал все последние двадцать лет. Жил в этом нашем посёлке и мечтал, что однажды смогу бросить всё и отправиться в Москву. Жена не пускала. Вторая жена, с которой я уже после войны сошёлся, после того, как Владивосток увидел. А теперь вот она умерла... Ничто меня больше в нашем посёлке не держит. Детей у нас не было, из-за облучения, наверное, то ли у неё, то ли у меня с этим неладно стало. А зачем мне в Москву? Тут разве так

объяснишь... Если в двух словах, то не верю, не могу и не хочу верить, что от нашей страны совсем ничего не осталось, кроме двух-трёх десятков разбросанных вдоль этой трассы дичающих деревень. Я сам должен убедиться, что ничего больше нет, ни Иркутска, ни Новосибирска, ни уральских городов... Но главное — быть того не может, чтобы Москва вся погибла. Ведь там и бомбоубежища были противоатомные, и противоракетная оборона, и правительственные бункеры, и склады продовольствия на десятки лет, и законсервированные центры гражданской обороны по борьбе с последствиями радиационных загрязнений... Мы же к такой войне с пятидесятых годов прошлого века готовились! Невозможно, невероятно, чтобы нас застали врасплох, чтобы полностью уничтожили!

— Да вот же мы, никуда не делись, — возразил Ванька гордо. — Ты ещё Семёновки нашей не видел! У нас знаешь какой частокол высоченный! А летом иногда по два урожая собираем, еды вдоволь, на всю зиму хватает!

— Дикарей видел уже? — спросил ни с того ни с сего Серафим Антонович.

— Ну, видел...

— Вот вы их как зверей бьёте... А они ведь не звери. Они такие же люди, как мы с тобой. Им только одного не достаёт. Цивилизации. Языка у них нет, понимаешь? Культуры. Памяти. Опыта предыдущих поколений. И в посёлках, сколько я их видел по пути, люди забывают... Всё забывают. Стариков ещё кое-где слушают, но те сами путаются, а кто ни черта и не знает. Верят в каждой деревне в своего бога, про войну и, вообще, про то, что произошло, толком никому неизвестно. Начинаешь рассказывать — зачем нам, говорят, дело прошлое. Электричества нет нигде, да что электричество! Железо изготавливать не умеют. С этим ведь как? Забываешь за век, заново учишься ещё миллион лет. Читать умеют только в трёх деревнях, считать до ста — в пяти. Никому ничего не надо. Забудут, всё забудут. Ещё два поколения — и вернёмся в раннее средневековье. А там и до каменного века недалеко. А Москва... На Москву вся надежда. Где же цивилизация, как не там? А я, прежде чем вслед за женой отправлюсь, хочу понять: возродимся, или нет? Думаю, в Москве обязательно должны были люди остаться. Учёные, военные, артисты, инженеры, профессора, правители, в конце концов. Ты не представляешь себе, что это за город, Москва! Я там всего три раза был, сначала в школе на экскурсию ездил, потом в армии через неё проезжал, ещё срочником, и потом с первой женой, в медовый месяц. Огромная, блестящая, богатейшая... Красная площадь одна чего стоит, или высотки сталинские, или Москва-сити! А народу сколько! И чтобы всё это сгнуло? Не могу я в такое поверить...

— У них там, наверное, овощи круглый год растут? — Ванька попытался представить себе такое великолепие.

— Да что там овощи, — отмахнулся от него старик. — Там все знания наши накоплены, там должны жить люди, которые могут их передать дальше, чтобы не одичали, чтобы в неандертальцев не превратились. Правительство должно оставаться какое-то! Наши мне говорили: были бы министры, президент, добрался бы кто-нибудь и до Дальнего Востока — власть Москвы восстанавливать. Но я думаю, никто не поедет оттуда. В чём смысл? За Уралом и раньше-то ничего особенного не было, а сейчас и подавно. Пустота... Тайга... Болота.

Он так и не притронулся к птице, которую ему гордо протянул Ванька, и тот теперь с беспокойством наблюдал, как редеет ароматный пар, поднимающийся от остывающей аппетитной мясистой ножки.

— Если нашей стране суждено возродиться, всё пойдёт из Москвы. И если правительство ещё действует, ему необходимо сообщить, что происходит на Дальнем Востоке! — кто-то словно раздул два угля в глазах старика; Ванька начинал понимать, откуда в нём бралась так несвойственная его возрасту сила и воля.

Они сидели в кузове военного грузовика, укрывшись от хлещущего дождя под истрёпанной

брезентовой крышей, натянутой на железные обода; передние колёса были вывернуты в сторону — водитель, наверное, хотел выехать из затора, в который попал, пока не понял, что сзади в него упираются уже десятки машин, и назад дороги нет. Издалека покрытый облупившейся тёмно-зелёной краской «Урал» напоминал тушу сдохшего от голода чудища с ввалившимся брюхом и выпирающими рёбрами.

Над болотами стлался молочный туман. Вместе с солнцем уходило тепло, из прорех в брезенте тянул промозглый сквозняк. Далеко с севера, из сердца топей, донёсся, умноженный сырым эхом, чей-то громогласный рёв, от которого разом поперхнулись тысячи разошедшихся не на шутку лягушек; Ваньку пробрал озноб, старик встревоженно прислушался и выглянул наружу. Волкодав лежал на полу, прижав уши, и тихонько поскуливал.

— Сегодня дальше не пойдём, — решил Серафим Антонович, затаскивая внутрь свой велосипед. — Что-то мне это не по душе. Туз себя странно ведёт. От греха подальше...

Он зажгёт фитиль в своей лампе и подвесил её на проволоке к одному из железных рёбер кузова. У дождя было одно определённое преимущество: всю назойливую мошкарку прибило к земле, и можно было использовать фонарь, не опасаясь, что он привлечёт тучи гнуса.

Старик свернул себе папиросу, задымил и задумался о чём-то своём, но Ваньке сидеть молча в сгущающемся сумраке было невыносимо тягостно.

— А куда ваша лодка пошла, в конце концов? — спросил он.

— Во Владивосток, в порт приписки. Там уже, конечно, ни порта, ни города — океан слизнул всё, как детские песочные замки. Уровень радиации такой, что на поверхности дольше получаса оставаться страшно. Погрузились снова, отошли от него подальше, на сто пятьдесят километров. Там бухта хорошая, защищённая, и в ней рыбацкий посёлок стоит. Не знаю, что с жителями произошло, но только они всё бросили и исчезли. Мы сначала боялись, что бактериологическое оружие какое-то по всему побережью применили, потому что людей на нём поначалу совсем не было. Но нет, ничего, за неделю никто не заболел. Потом уже выяснилось, что многие вглубь континента бежали, боялись вражеского десанта. Поставили мы атомоход на прикол, деревню в порядок привели. Там дозиметры тоже, конечно, щёлкали, но всё же не так, как во Владике. И вообще, не оставаться же навек на дне морском... Нам очень повезло, что война нас застала в самом начале боевого дежурства. Топлива было больше чем на полгода, а мы и четырёх месяцев не проплавали. Протянули кабели от лодки на берег, электричество провели. До сих пор почти во всех домах свет есть и электроплиты, фены всякие... По всему побережью собирали. Как, кстати, и баб... Опасно, понятное дело, всё-таки реактор без технического надзора, только наши бортинженеры за ним следят... Детей своих теперь вот учат. Вот у нас там посёлок так посёлок! Укрепрайон настоящий, что там ваша Семёновка! Также всякого повидать пришлось за двадцать лет, будь спокоен. Вначале-то ничего, вся живность притихла, а вот лет через пять, шесть — такое началось! И особенно в море. Например, однажды...

Пёс поднял уши торчком, потом вскочил и глухо зарычал. Старик поспешно задул лампу и достал из рюкзака похожее на бинокль устройство, которое, как Ванька с изумлением догадался, позволяло видеть ему в темноте. Потом проверил своё оружие, раздавил самокрутку и знаком приказал мальчишке лечь.

— Дикари, — шепнул он. — Из Биробиджана, что ли? Следили за нами, наверное. Изготовились к охоте. На кой чёрт мы им сдались?

Хотя деревенским и удалось одержать над дикарями победу, и в Семёновке, и в Матвеевке все понимали, что на их стороне просто была удача. Если бы людоедов не застали врасплох, перебив почти всех во сне, исход сражения был бы неизвестен. Хотя дикарей было и меньше, дрались они отчаянно, силой обладали нечеловеческой, и лес чувствовали куда лучше местных

охотников. Ванька вовсе не был уверен, что дикари были обычными людьми, как утверждал Серафим Антонович; какой человек может в три секунды чуть не взлететь на вершину столетнего дуба или убить опытного бойца, метнув в него отломанную ветку? Боялись их в деревне, до дрожи боялись, как лесных духов, как злых демонов, от того с такой жестокостью расправились и с ними, и с самками их, и с детёнышами, чтобы избавиться от них раз и навсегда, как от ночного кошмара.

И вот они здесь, меньше чем в неделе пути от деревни. Неужели Дорога — это их земля? Не потому ли пропадали все путешественники, уходившие по ней налево, на запад?

— Пятнадцать... Восемнадцать... Двадцать три, — шёпотом считал старик. — Ну, парень, если мы с тобой уцелеем, это будет просто чудо господне. У моего калаша три рожка, но ночью я больше половины в молоко засажу. Это тебе не по непуганым волкам стрелять, как в тире. Эти хитрые... Расходятся уже, окружают.

Одну из отрезанных голов у ворот деревни нашёл Ванька со своим дружкой, так получилось. Встали пораньше, собрались на речку, рыбачить, несмотря на родительский запрет без взрослых к Матвеевке не ходить. Еле добудились до заснувших стражников на вышке, нетерпеливо проскользнули в щель открывающихся створок, и сразу же, трясаясь и обливаясь холодным потом, спрятались обратно.

У Тамары Сергеевны была тощая своенравная коза, надоя с неё не было почти никакого, одна головная боль — всё время срывалась с привязи и убегала. Но добрая старушка, сама с трудом сводившая концы с концами, никогда не жалела вкусного жирного козьего молока, чтобы побаловать деревенских ребятишек. Частенько забегал к ней вечером и Ванька, когда помладше был — выпить полстакана и дать потрепать себя по белобрысой макушке. Поэтому, несмотря на то, как страшно была изуродована её голова, Ванька сразу узнал её. Накануне коза опять сбежала и старуха до ночи бродила по окрестностям, разыскивая своё единственное достояние...

Коротко свистнул дротик, и, выбив щепки, застрял в заднем борту кузова. Серафим Антонович прошипел неразборчивое проклятие, прижал рукой ко дну порывающегося выпрыгнуть из машины пса, потом приник к прикладу, придерживая у глаз свой чудо-прибор, и спустил курок. Оглохший от грохота, Ванька в конец перетрусил и забился в дальний угол кузова. Тоскливый вопль перебил раскатывающееся над топами эхо выстрела. Старик прицелился и дал короткую очередь, но на этот раз, кажется, мимо.

Что-то ударило в капот и загремело по крыше кабины.

— Сверху! — закричал Ванька, оцепенело глядя, как с треском расходится распарываемый ножом брезент.

Но было поздно. В дыре показалась косматая голова, и через мгновение согнутая жилистая фигура уже была в кузове. В нос ударил резкий неприятный запах. С коротким рыком волкодав метнулся ему навстречу, сомкнув челюсти на руке с ножом, а потом вцепился дикарю в горло, захлёбываясь в хлынувшей крови.

Однако бой уже был проигран. Старик успел сделать ещё пару выстрелов, но потом автомат заклинило, и он, чертыхаясь, отшвырнул его, выхватив свой широкий нож. Пробив брезент, в кузов влетело несколько дротиков, один из которых прошёл насквозь чуть не в трёх пальцах от Ванькиной головы. Он вздрогнул и зажмурился: умирать с закрытыми глазами было не так страшно...

И тут грузовик затрясся, словно в агонии, сбрасывая с себя, как насекомых, вскочивших на крышу людоедов, зашатался, и чуть не рухнул набок. Снаружи раздался тяжёлый всплеск, потом скрежет и грохот разлетающихся с Дороги машин, и, наконец, чудовищный, невообразимый рёв, от которого у Ваньки заложило уши и стало горячо и мокро в штанах.

Пересиливая себя, он приподнялся и на четвереньках прополз к заднему борту, откуда Серафим Антонович сквозь располосованный на ленты брезент остолбенело наблюдал за происходящим на Дороге.

Из ближайшего болотца, вроде того, по которому Ванька полтора часа назад бегал, охотясь за утками, на Дорогу выползла, вывалилась громадная, блестящая в лунном свете туша, больше всего напоминавшая полный воды курдюк с десятком похожих на хлысты щупалец. Подтягиваясь ими, разметая в стороны ржавые автомобили, создание выбралось на середину шоссе и теперь шарило своими хлыстами вокруг, загребая и отправляя в невидимую пасть вопящих от ужаса, извивающихся дикарей.

Оставшиеся в живых бросились было бежать обратно на восток, но щупальца преграждали им путь, нагромождая машины, отыскивая одних, спрятавшихся под грузовиками, словно консервные банки потроша незапертые легковушки, в которых пытались укрыться другие, переползая вслед за бегущими, и, давая Ваньке тень надежды, постепенно отдаляясь от их «Урала».

Кошмарная охота продолжалась не больше пятнадцати минут. Насытившись, монстр вернулся на обочину, нащупал ближайшее болото и, подняв фонтан брызг, перетёк в него. Один из хлыстов задержался ещё на Дороге; чудище выдернуло из камышей скорченную человеческую фигурку, ударило её об асфальт и утащило за собой, в трясину, испустив последний рёв.

Серафим Антонович сидел, тяжёло дыша и держась за сердце, а его пёс, прижав уши, подполз поближе и вылизывал ему ладонь другой руки. Ванька утер стекающую по подбородку слюну и ощупал штаны. Прошло не меньше пяти минут, прежде чем он сумел выдавить из себя первые слова.

— Оно не вернётся?

— Ты меня спрашиваешь? Я такую дрянь впервые за шестьдесят лет жизни лет вижу. Вернётся она или нет, сегодня дальше я уже идти не смогу. Сердце пошаливает...

Набрав воздуха, старик приподнялся и выглянул из кузова.

— Кажется, волосатых больше не осталось. То ли оно их всех пожрало, то ли часть успела удрать. А я, если честно, думал всё, как-то. Неисповедимы пути Твои, Господи... — он изможденно откинулся на стенку.

— Тебе шестьдесят лет? — Ванька твёрдо умел считать до ста, мать научила, и вполне мог представить себе, насколько этот удивительный человек старше обоих долгожителей из его деревни.

— Что, старый? — трудно сглатывая слюну, криво усмехнулся тот. — Раньше и до восьмидесяти жили, а у меня в семье и до девяноста дотягивали. До сих пор как-то я всё хорохорился, но сейчас чувствую, сдаю. Чёртов насос уже не тот, что прежде, — он похлопал себя по груди. — На велосипеде ездить умеешь? А то вдруг я посреди Дороги коньки отброшу... И картой тебя надо научить пользоваться, на всякий случай.

Ванька ничего не сказал, хотя отлично понимал, куда клонит старик. Изначально он последовал за ним вовсе не потому, что умирал от желания увидеть эту расчудесную Москву, просто оставаться одному на Дороге после всего увиденного и пережитого ему было действительно, действительно страшно. К тому же с Серафимом Антоновичем скучать не приходилось, и он помогал Ваньке занимать голову всяческими фантазиями, не оставляя места размышлениям о ближайшем будущем и о неизбежности, если уж быть с собой честным, возвращения в деревню. Но чем дальше они шли вместе, чем выше поднималась завеса тайны и над немыслимо огромным миром вокруг, и над роком, постигшим его десятилетия назад, тем больше Ванька забывал о своём доме, тем больше проникался мечтами Серафима Антоновича. И всё же, для того, чтобы принять окончательное решение, было ещё слишком рано.

— Даже если подохну, оно того стоит, — пробормотал старик. — Двадцать лет только об этом и думал, и сейчас назад не поверну. Надо идти, надо! Посмотреть хотя бы... Ладно, давай-ка мы выставим за дверь этого хлопца, — он кивнул на распростёртое в конце кузова тело дикаря, убитого псом, — И спать.

Уже через несколько минут он мирно похрапывал, а Ванька ещё долго сидел, вслушиваясь в ночь, вздрагивая, силясь выветрить из головы образ болотного монстра, жадно шарящего щупальцами по Дороге в поисках жертв.

Когда он проснулся, Серафим Антонович был уже на ногах и готовил завтрак, бодро насвистывая. Сердце прошло; вместе с боязнью скорой смерти покинули старика и мысли о поиске последователя. Однако, к Ванькиному восторгу, от данного обещания научить его ездить на велосипеде он отказываться не стал.

Облака разошлись, в спину снова светило яркое солнце. В его лучах, в дуновении свежего ветра, залетевшего на болота из каких-то других, светлых, открытых мест, Ваньке виделось обещание скорых перемен к лучшему, преследовавшие его всю ночь кошмары забывались, а всё случившееся на его глазах вчера казалось сейчас невозможным, бредовым сном.

После получаса неуклюжих попыток оседлать скрипучий старый велосипед он научился-таки держаться ровно, и теперь восторженно выписывал вокруг усмехающегося старика круги,

заново открывая для себя радость движения, как щенок, недавно вставший на окрепшие лапы и теперь пробующий свои силы.

Местность постепенно менялась. Болота усыхали, отходили дальше от шоссе, чахлые сосенки, робко выглядывавшие из-за пригорков, разрастались на становящейся надёжной, твёрдой земле. Неизменной оставалась лишь Дорога, забитая тысячами, десятками тысяч пустых машин.

— Но всё-таки, куда же подевались все люди? — в десятый раз спросил Ванька. — И почему они остановились?

— Я думал, по колонне нанесли удар, где-то ближе к началу. Но дозиметр молчит... Скорее всего, они просто бросили машины и пошли дальше пешком. Я ничего не знаю про то, что с ними произошло. Эвакуация, должно быть, проходила в первые дни войны. Нам о ней ничего не сообщали... Так или иначе, мы скоро это узнаем. Эта колонна не бесконечна.

— А почему ты один пошёл в Москву? Другие люди из твоего посёлка не захотели?

— Никто больше не верит, что там ещё что-то есть, — вздохнув, нехотя ответил Серафим Антонович. — Все вполне довольны той жизнью, которую мы ведём... Они ведут. Она и вправду намного лучше, чем всё, что я видел по пути. И, возможно, чем всё, что я ещё увижу. Но надолго ли? Настанет день, когда перегорит последняя электрическая лампочка, до которой мы сумели добраться. Остановится реактор в нашей лодке. Кончатся патроны. У нас больше не будет времени учить наших детей читать и писать, найдутся знания поважнее — как добывать огонь трением, как правильно выбрать ветку для лука... Цивилизация — это песочный замок, красивый, но невероятно хрупкий. За ним необходимо постоянно присматривать, иначе ветер времени высушит его, и он рассыхнет, разлетится пылью. Трёх поколений, не умеющих читать, достаточно, чтобы полностью забыть и утратить ключ понимания ко всему, что кропотливо создавалось и осторожно передавалось друг другу двумя сотнями предыдущих поколений. Мы вернёмся на пятьсот лет назад. Мы превратимся в феодальные княжества, даже в племена, и нас останется совсем мало, мы будем слишком разрозненны, размётаны по гигантским территориям нашей бывшей страны. Мало-помалу тот язык, на котором тридцать лет назад говорили от Пскова до Камчатки, начнёт забываться, пропадать под наростами местных словечек, понятий, мутировать вместе с окружающими растениями и животными, вместе с нами самими, пока не превратится в сотни отдалённо схожих наречий. Мы больше никогда не сможем объединиться, чтобы вместе пойти на штурм той вершины, с которой сорвались в пропасть, однажды сделав один неверный шаг. Я говорил об этом с нашими, я говорил об этом, наверное, тысячи раз. Никто не хочет слушать. Эти люди живут сегодняшним днём, они не хотят думать о том, что будет завтра. А я слишком стар для этого. Я знаю, что для меня самого завтра не настанет, но я боюсь уходить, думая, что завтра не настанет для всего, что осталось от человечества... Понимаешь, — он придержал Ваньку за руль и заглянул ему в глаза. — Это не должно быть так. Ведь всё ещё можно вернуть... Главное сейчас — дойти до конца.

Дорога круто пошла вверх, забираясь на необычно высокую сопку. Ванька соскочил с велосипеда и зашагал пешком. Он понял не всё из сказанного стариком, но тому удалось всё же заразить его своей верой в возможность другой, лучшей жизни, в которой люди могут строить такие трассы, не опасаться голодных зим, обороняться от хищников и людоедов грозным огнестрельным оружием, видеть в темноте, и не умирать от многочисленных болезней дряхлыми стариками в пятьдесят лет. И если для этого надо было забыть путь домой и пройти с Серафимом Антоновичем до конца Дороги — что же, сейчас он был к этому готов.

Подъём закончился. Оставив велосипед, Ванька бросился вперёд, чтобы первым

полюбоваться видом, который откроется с холма. И уже в первое мгновение всё объяснилось. Он отчаянно оглянулся на Серафима Антоновича, который, добродушно улыбаясь, поднимался вслед — последние несколько шагов давались ему особенно трудно — и пожелал, чтобы он никогда не дошёл до вершины.

Расстилавшуюся внизу долину пересекала пополам быстрая тёмная река. Дорога, скатываясь с сопки к берегу, упиралась в бетонный мост, два или три центральных пролёта которого когда-то давно обрушились в бурлящую и пенящуюся воду. На обрубках дорожного полотна по обе стороны провала тесно сгрудились автобусы и несколько мощных приземистых машин с длинными стволами на плоских башнях.

А за мостом... За мостом Дорога обрывалась. Всего в нескольких десятках метров шестиполосное шоссе превращалось в узкий тракт, засыпанный гравием, который на полной скорости врезался в непроходимый лес. Неподдалёку чернели остовы экскаваторов, катков, тракторов... Дальше не было ничего.

— Значит, её так и не достроили... — Серафим Антонович провёл ладонью по глазам, будто надеясь снять морок. — Пойдём-ка спустимся, сынок, до моста дойдём, — голос его дрожал; Ванька испугался, что старик разрыдается, и послушно закивал головой.

— Пустили танки по неоконченному мосту, умники. Президент приезжал... Торжественное открытие... Национальный проект... — бормотал себе под нос Серафим Антонович, стоя на самой кромке, как-то совсем по-детски ковыряя крошащийся на куски цемент носком сапога, и наблюдая за его падением в мутно-зелёную бурную реку.

Ванька стоял поодаль, потерянно озираясь вокруг. Их путь был окончен, это осознавали и старик, и мальчишка. Разросшаяся за десятилетия тайга разорвала и проглотила скверную гравийную насыпь, не оставив от неё и следа. Нечего было и помышлять о том, чтобы продираться через дикий лес десятки, сотни километров, чтобы следовать за призраками эвакуированных в непроходимую чащу. Последняя великая стройка этой страны так и не была доведена до конца.

Серафим Антонович уселся на обрыве, свесив вниз ноги, и всё что-то шептал, иногда жалобно, иногда яростно, и пристроившемуся рядом Ваньке удавалось изредка разобрать сквозь шум реки обрывки его мечущихся мыслей:

— Передовые технологии... Трасса в будущее... Напророчили! Именно так! Туда она и ведёт... В наше будущее...